

ИВАНЪ ВАЗОВЪ, ЕГО ПОЭЗІЯ И ПРОЗА.

(ЛИТЕРАТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА).

Въ одномъ изъ стихотвореній польская писательница М. Конопницкая образно формулируетъ свою поэтическую программу такими словами: «Никогда не взберусь на такую высоту, чтобы предъ устремленнымъ на вселенную взглядомъ земля со своей нуждой такъ блѣднѣла и исчезала, какъ изумруды тающей радуги». Это обѣщаніе вполне искренно могъ бы повторить лучший изъ современныхъ болгарскихъ поэтовъ — Вазовъ. Убѣжденный въ высокомъ призваніи поэта-учителя, онъ зоветъ людей къ вѣчнымъ идеаламъ, къ свѣту и подвигу. «Сѣйте стремленіе къ божественной правдѣ, — говоритъ онъ. — Сѣйте любовь, не вражду, милость въ сердцахъ, мужественную любовь къ долгу и труду». И Вазовъ доказалъ, что призывъ его не одни слова. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ даритъ родную литературу красивыми и вдумчивыми стихами, полными народнаго обаянія, и гуманными рассказами. Его литературный юбилей, праздновавшійся въ 1895 году, прекрасно показалъ, что нашла въ немъ возрожденная Болгарія, а многочисленные переводы произведеній Вазова на всѣ почти европейскіе языки значительно подняли въ Европѣ интересъ и къ болгарской литературѣ, которой раньше въ сущности не существовало.

Не касаясь размѣровъ таланта Вазова, мы прежде всего укажемъ на одну особенность его творчества, дѣлающую его понятнымъ, близкимъ, роднымъ и для болгарскихъ читателей, и для каждого, кто чуждъ не только болгарской націи, но и всему славянству. Это — соединеніе въ немъ національнаго чувства съ общечеловѣческимъ. Съ одной стороны, Вазовъ какъ будто немислимъ безъ Болгаріи, безъ ея людей и природы, которую онъ любитъ всѣми силами души. Это тяготѣніе къ природѣ и чисто «тютчевское» пониманіе ея жизни — очень характерныя черты въ психологіи его творчества. Вазовъ любитъ природу почти дѣтской любовью. Во время моей поѣздки въ Софію я лично былъ свидѣтелемъ того, какъ Вазовъ часами стоялъ предъ деревьями и цвѣтами въ «Царь-Борисовой градинѣ», стоялъ одинъ въ нѣмомъ восторгѣ, словно на молитвѣ. Никто къ нему не подходилъ, хотя гуляющихъ было немало. Мнѣ сказали, что это — Вазовъ, гордость болгарской литературы, прекрасная личность, и я любовался имъ. Казалось, его мысли витали гдѣ-то далеко отъ тѣхъ, кто гулялъ въ томъ же саду, были да-

леки отъ всѣхъ людей, живущихъ на землѣ. Казалось, поэтъ можетъ воскликнуть вмѣстѣ съ Бодлеромъ:

Забывая страданія жгучія,
Жизни пасмурной скуку и гнетъ,—
О, блаженъ тотъ, чьи крылья могучія
Высоко направляютъ полетъ!
Тотъ, чьи мысли, какъ птицы свободныя,
Горделиво надъ жизнью парятъ,
Для кого дышать камни холодныя,
Съ кѣмъ ручьи и цвѣты говорятъ.

Но это было бы ошибкой, и я лично счастливъ тѣмъ, что все это мнѣ показалось только на минуту. Если Вазовъ и понимаетъ природу, какъ стихію красивую и живую, то онъ никогда не забываетъ, что онъ—«сынъ персти», что онъ нуженъ другимъ людямъ, что природа не отвѣтитъ ему такой же любовью къ ней. И потому въ его стихотвореніяхъ и разсказахъ на первомъ планѣ стоитъ всетаки «человѣкъ», тотъ «человѣкъ», который выноситъ все творчество Вазова далеко за предѣлы одной какой-нибудь націи. Уже въ этомъ одномъ заключается почтенная часть заслуги болгарскаго писателя.

Вся его заслуга будетъ намъ ясна, если мы познакомимся съ его жизнью и основами литературной дѣятельности.

I.

Иванъ Минчевъ Вазовъ родился въ 1851 году въ небольшомъ городкѣ Сопотѣ у подошвы Балканъ, недалеко отъ Пловдива-Филиппополя. Отецъ Вазова занимался торговлею, человѣкъ былъ полуграмотный и горячо любилъ несчастную родину. Онъ вѣрилъ, что и для нея наступятъ лучшіе дни. Первые воспоминанія дѣтства будущаго поэта связаны съ Россіей. Въ домѣ Вазовыхъ въ самой лучшей комнатѣ висѣлъ большой портретъ Николая I. Часто мать указывала сыну на этотъ портретъ и говорила:

— Это нашъ болгарскій царь!

Современемъ, когда онъ выросъ, слово «Россія» стало для него символомъ свободы. Онъ глубоко вѣрилъ, что только Россія можетъ спасти утѣсненную Болгарію; эту вѣру раздѣляли и другіе, и она не обманула ихъ ожиданій.

Ученіе маленькаго Вазова началось съ шестилѣтняго возраста въ основномъ начальномъ училищѣ. Само по себѣ училище это мало повлияло на характеръ писателя, но у Вазова оказался такой воспитатель, лучше котораго нельзя пожелать: этимъ воспитателемъ была природа. Ребенокъ цѣлые дни проводилъ въ роскошныхъ долинахъ розъ, карабкался по крутымъ скаламъ и любовался далекими, вѣчно сѣдыми Родопскими горами. Природа наградила его на всю жизнь богатымъ запасомъ свѣжихъ силъ, которыя были такъ нужны ему для того, чтобы перенести тяжелыя испытанія. Изъ начальнаго училища Вазовъ поступилъ въ среднее, называвшееся «главнымъ». Здѣсь на развитіе поэта сильное вліяніе оказалъ учитель Парфеній Бѣльчевъ, окончившій кievскую семинарію. Онъ знакомилъ своихъ учениковъ съ главными дѣятелями русской исторіи, подробно разсказывалъ имъ о Петрѣ Великомъ,

о Екатеринѣ, Суворовѣ. Самъ поэтъ въ душѣ, онъ часто декламировалъ ученикамъ стихи Державина, Ломоносова, Хомякова и др. Позднѣе Вазовъ вспоминалъ, что музыка русскихъ стиховъ глубоко очаровывала его и навсегда осталась въ его сердцѣ. Но и главная школа въ сущности очень немного дала Вазову. По окончаніи ея онъ отправился въ Карлсво, а позднѣе въ Пловдивскую гимназію Груевича, бывшую тогда виднымъ разсадникомъ просвѣщенія молодой Болгаріи. Въ гимназіи Вазовъ кончилъ только четыре класса, такъ что впослѣдствіи ему пришлось много поработать самому. Тѣмъ не менѣе о пройденной школѣ Вазовъ сохранилъ самыя добрыя воспоминанія: «Какъ ни было плохо болгарское училище, за нимъ все же великая заслуга; оно готовило будущее,—писалъ онъ.—Съ глубокой признательностью вспоминаю я своихъ учителей. Всѣ они послужили, какъ могли, своими силами, были честными работниками на нивѣ народнаго просвѣщенія. Всѣ они словомъ своимъ бросили горсть благородныхъ сѣмянъ на воспріимчивую почву души моей и обогатили сердце мое добрыми чувствами».

По окончаніи ученія въ Пловдивской гимназіи Вазовъ возвратился въ домъ отца, но пробылъ здѣсь недолго, такъ какъ отецъ послалъ его въ Румынію учиться торговлѣ. Въ Румыніи на Вазова впервые повѣяло духомъ болгарской свободы. Здѣсь онъ познакомился съ лучшими болгарскими писателями:—съ Каравеловымъ, Ботевымъ, и здѣсь же обратилъ на себя вниманіе своими пробными стихами. Когда черезъ два года Вазовъ вернулся на родину, то засталъ уже всеобщую готовность возстать противъ турокъ. Вся страна находилась въ сильнѣйшемъ возбужденіи. Вазова точно такъ же, какъ и всѣхъ, охватила горячій патріотизмъ. Онъ отказывается отъ своихъ первыхъ жизнерадостныхъ и немного легкомысленныхъ пѣсенъ. Въ этомъ первомъ своемъ сборникѣ, «Прѣпорецъ и гусла», онъ даетъ такое обѣщаніе: «Отнынѣ не будетъ болѣе у меня безплодныхъ мыслей. Братья мои живутъ въ горѣ и страданіи, а я, слѣпой, не видѣлъ этого. Отнынѣ не сойдутъ съ устъ моихъ пѣсни долга, пѣсни о свободѣ». Впрочемъ, когда началась борьба болгаръ съ турками, Вазовъ былъ уже снова въ Румыніи. Онъ рожденъ не для кровавыхъ битвъ, онъ существовалъ лишь «для сладкихъ звуковъ и молитвъ». Но въ этомъ и состоялъ долгъ Вазова передъ родиной. Въ Румыніи Вазовъ вступилъ членомъ въ «Центральный Болгарскій Комитетъ», имѣвшій цѣлью посылать добровольцевъ въ Болгарію. Комитетъ просуществовалъ только зиму и прекратился съ пришествіемъ русскихъ войскъ. За это время Вазовъ написалъ второй сборникъ стиховъ: «Тягитъ на Болгаріи». Точно такъ же, какъ и первый, этотъ сборникъ является прекрасной лѣтописью кровавыхъ событій, происходившихъ въ Болгаріи. Весь сборникъ проникнутъ одной идеей—это отклики изстрадавшагося сердца, вопль «славянскаго» негодованія на неистовства турокъ. Но при всей суровости дѣйствительности Вазовъ всетаки не терялъ надежды и вѣрилъ въ лучшіе дни для своей родины.

И онъ ихъ дождался... Раздалось въ Москвѣ мощное слово Царя-Освободителя, и Россія «дѣломъ, а не словомъ», двинулась на защиту братьевъ. Въ это время и появляется величавый гимнъ Вазова «Русія». Во все время освободительной войны Вазовъ жилъ въ Систовѣ.

Здѣсь появился третій сборникъ стиховъ; онъ носитъ названіе «Избавленіе», такъ какъ война уже была кончена, и свобода засіяла надъ Болгаріей. Весь сборникъ проникнутъ глубокою любовью къ русскимъ воинамъ, проливавшимъ кровь за свободу Болгаріи, и къ Царю-Освободителю, котораго Вазовъ неразъ называетъ «Болгарскимъ царемъ». Вообще въ этотъ годъ Вазовъ испыталъ большой подъемъ патріотизма и энергіи. Съ торжественнымъ настроеніемъ встрѣтилъ онъ новый годъ—годъ свободы: «Годъ радости!—воскликаетъ онъ.—Я встрѣчаю тебя не съ пѣснями и восклицаніемъ, но съ чашею пѣнистаго вина, не съ шумомъ и убивающей духъ суетою, но съ трепетомъ сердца, съ вѣрой и молитвой. Встрѣчаю, какъ ангельское благовѣстіе, какъ зарю радостнаго дня. Да начнется у насъ съ тобою жизнь новая и славная! Въ твоихъ громахъ да вырастетъ новое и великое поколѣніе! Да исторгнемъ мы, какъ ненужные плевелы, всякую вражду, мракъ и страсти, эти послѣдніе слѣды ига, и да царствуетъ у насъ священный законъ равенства и правды! Пусть узнаетъ свѣтъ, что не даромъ пролилась за нашъ народъ русская кровь!». Въ этомъ стихотвореніи поэтъ выражаетъ надежду, что теперь, во дни свободы, начнется новая жизнь для Болгаріи, начнется единопутная, сознательная работа всѣхъ отъ мала до велика на пользу и славу родины.

Но столѣтія суроваго рабства не могли пройти даромъ для Болгаріи; государственное сознаніе не могло проявиться сразу, и вмѣсто плодотворной работы на аренѣ общественности появились мелкія страсти, корыстныя побужденія, личныя цѣли. Въ обществѣ царили безпомощность и неурядицы. Вазовъ видѣлъ все это, глубоко скорбѣлъ, и его недовольство настоящей жизнью ясно выразилось въ романѣ «Новая земля». Еще ярче отразилась горестъ Вазова въ новомъ его сборникѣ «Гусла». Только два года прошло со времени появленія «Избавленія», но разнища въ духѣ обоихъ произведеній бросается въ глаза; она громадна. Еще недавно такая радостная и свѣтлая, его муза теперь вся проникнута печалью. Вмѣсто прежняго радостнаго чувства—чувство скорби и унынія, вмѣсто жизнерадостной пѣсни—мрачныя сатиры и печальныя элегіи. Въ «Гуслахъ» Вазовъ горько жалуется, что люди, которые дѣйствительно любятъ свою родину, которые проливали свою кровь и не жалѣли положить жизнь свою за свободу Болгаріи, теперь сидятъ безъ дѣла гдѣ-нибудь въ пыльной канцеляріи. «Вотъ, напримеръ,—говоритъ онъ,—старый книготорговецъ. Тридцать лѣтъ носилъ онъ по деревнямъ книги, роняя въ души крестьянъ сѣмена науки, и много продалъ онъ разныхъ книгъ; пять лѣтъ сидѣлъ въ турецкой тюрьмѣ, потерялъ жену, дѣтей, а теперь долженъ разносить по городу воду, чтобы не умереть съ голоду. Вотъ солдатъ, много разъ проливавшій свою кровь за родину, теперь принужденный мести полъ въ какой-то канцеляріи. А страной правятъ люди, которые раньше палецъ о палецъ не ударили для освобожденія Болгаріи, которые во всемъ преслѣдуютъ не благо народа, но личныя корыстныя цѣли». Разочаровался Вазовъ и въ новомъ поколѣніи: «Вездѣ застой, убійственный холодъ. Мы сами не знаемъ, куда идемъ, и нечего намъ передать будущему поколѣнію».

Но такое сѣрое и безрадостное чувство не могло надолго удержаться въ Вазовѣ; излечиться отъ унынія помогла ему природа, ко-

торая еще въ дѣтствѣ оказала на него громадное вліяніе. Новый сборникъ стихотвореній, «Поля и горы», снова проникнутъ чувствомъ любви къ родинѣ. Начинается онъ прекраснымъ стихотвореніемъ «Отечество». «По райскимъ долинамъ иду я. Куда ни посмотрю, вокругъ все чудныя картины и Божья благодать. Люблю тебя, люблю, о родина святая, хотя твое имя и позорить клевета. Пусть другія земли блесятъ громкими успѣхами. Твоего будущаго я не отдамъ за нихъ: твои нѣдра полны нетронутыхъ рудъ, въ тебѣ безконечныя просторы для труда. Въ тебѣ позналъ я страданья и съ ранняго дѣтства привыкъ къ борьбѣ. Въ твоёмъ униженіи и святыхъ горестяхъ я черпаю вдохновеніе для своихъ пѣсенъ и мечтаній... Люблю тебя за то, что ты несчастна и свята; за то, что ты обижена злобною судьбою, всѣми ненавидима, со всѣми въ борьбѣ; за то, что свои грѣхи ты искупила стократно и въ тяжкихъ мукахъ стала велика; люблю тебя за твое геройство въ неравной борьбѣ».

Слѣдующій сборникъ Вазова, «Поля и горы», уже не имѣетъ въ стихотвореніяхъ грустнаго, вялаго тона. «О свобода, — восклицаетъ онъ, — подыми свой божественный мечъ, порази имъ этихъ рабовъ и этихъ тирановъ, которые грязнятъ твои дѣвственныя поля и, пьяные, вторгаются въ твой домъ! Снизойди къ намъ, разгони эту бессмысленную чернь, дай урокъ безбожнымъ и докажи, что ты — истина, что ты — жива, что ты — богъ!».

II.

Ни «Гусла», ни «Поля и горы» не понравились публикѣ. Не находя себѣ нигдѣ дружественнаго отклика, поэтъ сталъ чувствовать себя тяжело на родинѣ и рѣшилъ пробѣжаться за границу, чтобы отдохнуть тамъ душой. Но тутъ оказалось, что болгаринъ не можетъ жить безъ своей родины, и Вазовъ скоро вернулся домой, не вытерпѣвъ тоски по Болгаріи. Здѣсь его ожидали важныя событія: была объявлена война Сербіи. Снова почувствовалъ Вазовъ, какъ сильно забилось его сердце, и мощно полились изъ души поэта прежніе звуки восторга. Въ новомъ своемъ сборникѣ, «Сливница», Вазовъ искренно преклоняется предъ величавымъ героемъ — болгарскимъ пахаремъ и поетъ торжественныя гимны подвигамъ этого богатыря. Но не въ этомъ громадное значеніе даннаго сборника. Важнѣе этотъ сборникъ тѣмъ, что восхваляя, подвиги болгарскихъ воиновъ, Вазовъ глубоко сожалеетъ, зачѣмъ произошла эта братоубійственная война: лучше бы ея не было. Такимъ образомъ, мы здѣсь видимъ Вазова уже не болгаринѣмъ, а человѣкомъ. Трогательно изображаетъ онъ въ стихотвореніи «На окопахъ» встрѣчу павшихъ отъ ранъ солдатъ, серба и болгарина; солдаты узнаютъ другъ друга и вспоминаютъ, какъ раньше вмѣстѣ шли на бой противъ турокъ, и какъ одинъ спасъ отъ смерти другого. Теперь же они сами другъ друга убили... Вообще основная мысль сборника та, что сербско-болгарская война — позоръ, котораго не должно бы быть. Заключая свой сборникъ, поэтъ призываетъ болгарскій народъ къ вѣчному дѣлу — мирной работѣ.

Но прежде чѣмъ могла начаться эта мирная работа, Болгаріи пришлось еще перенести потрясеніе. Не прошло и года послѣ войны, какъ въ ней произошли смуты. У власти появился ненавидимый всѣми чело-

вѣкъ, — Вазовъ принужденъ былъ снова покинуть родину и бѣжать въ Россію. Мѣстожителемъ въ Россіи онъ избралъ Одессу. Темно было въ душѣ поэта, когда онъ прибылъ въ Россію. Казалось, что все, во что онъ такъ вѣрилъ, теперь поругано и не возстанетъ никогда. На этотъ разъ даже могущественная природа не могла помочь ему и дать миръ душѣ. И вотъ тогда является Тотъ, о Комъ Вазовъ вспоминалъ лишь въ минуты величайшихъ опасностей. Въ «Звукахъ», сборникѣ стихотвореній, написанныхъ за время одесскаго изгнанія, есть одно стихотвореніе, открывающее намъ сокровеннѣйшія извилины души поэта. «Невольно зашелъ я въ Божій храмъ, какъ заходитъ усталый путникъ подъ прохладную тѣнь, — говоритъ онъ. — Тамъ возносилась священная молитва, и въ мою страдающую душу лился сладкій миръ. Смиренно и покорно преклонилъ я голову, тайное смущеніе охватило меня невольно, и какія-то чудныя и новыя слова съ болью потекли изъ моего сердца. Горячо молилъ я великаго Бога о помощи, объ утѣшеніи въ моей тяжелой жизни; молилъ Его за себя, за братьевъ, за всякаго несчастнаго человѣка, за весь страждущій человѣческій родъ. Я молилъ распятаго на крестѣ Христа вдохнуть въ меня свою любовь и терпѣніе... И долго еще шептали уста мои молитву, и на душѣ у меня стало легко и свѣтло».

Находясь въ уединеніи, вдали отъ своихъ друзей, вдали отъ родины и отъ всего, что было дорого сердцу, Вазовъ «пересмотрѣлъ» свою душу, исповѣдалъ ее передъ самимъ собою и много упрековъ нашелъ въ ней для своей совѣсти. Упомянутый сборникъ «Звуковъ» даетъ намъ полное понятіе о томъ, что происходило тогда въ душѣ поэта. Въ стихотвореніи «Уныніе» Вазовъ строго спрашиваетъ себя:

«Внесъ-ли я хоть что-нибудь доброе въ общую скудость, лѣнь и мракъ? Бросилъ ли я для будущаго сѣмя плодотворной мысли? Почтилъ ли я данный мнѣ Господомъ даръ трудомъ, его достойнымъ?».

«Съ печалью гляжу я на пройденный путь, и сердце сжимается отъ нравственнаго холода, — отвѣчаетъ онъ. — Безумно, на вѣтеръ растратилъ я свои силы. Сколько чувствъ было бесплодно брошено въ мятежныя страсти и слѣпую борьбу! На что пошелъ жаръ души? Я не цѣнилъ горѣвшаго въ сердцѣ моемъ священнаго и тайнаго пламени? Я пѣлъ, но рѣдко согрѣвало меня гордое сознаніе высокаго долга, и мои пѣсни разлетѣлись почти безъ отклика. Такъ много расточить, такъ мало посѣять! Я — блудный сынъ, въ безумной оргіи погубившій бесплодно безцѣнное сокровище»...

Такъ упрекалъ себя Вазовъ, и намъ эти укеры кажутся слишкомъ строгими. Зато въ этой взыскательности къ себѣ поэта — залогъ его совершенства. И время одесскаго изгнанія оказало огромнѣйшее вліяніе на него. Изъ Одессы Вазовъ выѣхалъ уже не болгарскимъ, но обще-человѣческимъ писателемъ. Онъ понялъ, что высочайшая вершина, до которой можетъ достигнуть вообще духъ человѣческій, — это милость. Онъ понималъ, что не должно быть гнѣва и негодованія, но только любовь и состраданіе даже къ самымъ худшимъ людямъ. На родину онъ пріѣхалъ уже съ просвѣтленнымъ и умиротвореннымъ взглядомъ на жизнь, съ твердою рѣшимостью выплатить свой долгъ родинѣ.

По возвращеніи Вазовъ принялся за большой романъ «Подъ игото». Мы остановимся подробнѣе на этомъ романѣ, такъ какъ онъ занимаетъ очень важное мѣсто среди произведеній Вазова. Въ романѣ «Подъ иготомъ»

изображена эпоха наканунѣ освобожденія Болгаріи, когда многочисленныя болгарскіе патріоты, такъ называемые «апостолы», готовили населеніе для геройской и послѣдней борьбы съ турками. Не рѣдко они производили отдѣльныя возстанія, которыя въ отдѣльности, конечно, подавлялись турками съ безчеловѣчной жестокостью, но въ общемъ вызвали вмѣшательство Россіи, давшее свободу балканскимъ славянамъ. Въ романѣ Вазова и описывается одна изъ такихъ попытокъ, кончившаяся трагически для подготовившихъ ее «апостоловъ». Главный герой романа—видинскій монахъ Иванъ Кралитъ, бѣжавшій на родину послѣ шестилѣтняго заключенія въ турецкой тюрьмѣ Діарбекирѣ, куда его посадили за прежнія попытки къ возстанію. Явившись на родину въ Бѣлую церковь (Сопотъ), онъ перемѣнилъ свое имя на Бойчо Огнянова и, благодаря стараніямъ стараго друга своего отца, сдѣлался учителемъ. Онъ и теперь не оставилъ мысли объ освобожденіи родины отъ ненавистнаго ига. Гнетъ варварской расправы былъ настолько чувствителенъ, что Бойчу не трудно было встрѣтить единомышленниковъ. Дѣйствительно, въ короткое время подъ предсѣдательствомъ Огнянова образовался комитетъ, членами котораго явились докторъ Соколовъ, студентъ Кандовъ, Муратлійскій и мн. др. Они группируются вокругъ своего вожака, но въ неодинаковой степени умѣютъ забыть личные расчеты предъ народнымъ долгомъ.

Здѣсь же Огняновъ познакомился съ учительницей Радой, сиротой, жившей въ женскомъ монастырѣ, и горячо ее полюбилъ. Знакомство произошло довольно необыкновенно: въ школѣ былъ экзамень, и одинъ изъ отвергнутыхъ Радой поклонниковъ, Стефчевъ, незадолго передъ тѣмъ получившій за свое слишкомъ наглое ухаживаніе пощечину, сталъ вызывать дѣвочекъ и задавать имъ такіе мудреные вопросы, что даже лучшія ученицы ничего не отвѣтили. Въ публикѣ, конечно, возникло неудовольствіе противъ учительницы. Но тутъ выступилъ Огняновъ. Онъ задалъ дѣвочкамъ тѣ же самые вопросы, но простымъ, ласковымъ тономъ, и отвѣты получились превосходные. Тогда негодованіе публики обратилось противъ Стефчева, котораго и раньше не любили за его добровольное наущиваніе передъ турками. Съ этихъ поръ Огняновъ сталъ бывать у Рады; она также его полюбила.

Но не смѣя связывать свою бурную и опасную судьбу съ ея молодой жизнью, Огняновъ откровенно разсказалъ ей, кто онъ такой. Это мѣсто романа одно изъ самыхъ драматичныхъ и важныхъ для пониманія характеровъ Огнянова и Рады, а потому мы приведемъ небольшой отрывокъ.

Огняновъ нѣжно поцѣловалъ ее и сказалъ:

— Радочка, дитя мое, чтобы быть честнымъ человѣкомъ, какъ ты меня называешь, я долженъ открыть тебѣ вещи, которыхъ ты не знаешь. Моя любовь не позволяетъ мнѣ тебя огорчать, но совѣсть говоритъ иное. Ты должна знать, съ какимъ человѣкомъ ты связана... Я не имѣю права молчать долѣе...

— Скажи мнѣ все, сядемъ, — сказала она, смущенная.

Огняновъ усадилъ ее и самъ сѣлъ подлѣ.

— Радочка, хаджи Ровоама сказала, что я бунтовщикъ. Она не знаетъ, она считаетъ всякаго молодого и честнаго человѣка бунтовщикомъ...

— Да, да, Бойчо, она очень злая женщина, — быстро проговорила Рада.

— Но я на самомъ дѣлѣ такой, Радочка.

Рада посмотрѣла на него удивленно.

— Да, Рада, я бунтовщикъ, и не на словахъ только, я тотъ, который подготавливаетъ возстаніе.

Онъ помолчалъ. Она ничего не отвѣтила.

— Я думаю поднять знамя возстанія весной. Потому я и нахожусь въ этомъ городѣ.

Рада молчала.

— Это — мое будущее, темное будущее, полное опасности...

Рада смотрѣла на него смущенная, но ничего не сказала. Огняновъ видѣлъ въ этомъ холодномъ молчаніи свой приговоръ. Съ каждымъ его словомъ его привязанность къ этой дѣвушкѣ испарялась. Онъ слѣлалъ усиліе надъ собою и продолжалъ свою исповѣдь.

— Вотъ мое будущее. Теперь я расскажу тебѣ мое прошлое.

Рада вперила въ него безпокойные глаза.

— Оно еще темнѣе, Рада, если не бурнѣе. Знай, что я восемь лѣтъ находился въ заточеніи въ Азій, по политическому дѣлу, и я бѣжалъ изъ Діарбекира, Рада!..

— Слушай, я убилъ двухъ человѣкъ и недавно!

Рада невольно отшатнулась. Огняновъ не смѣлъ взглянуть на нее. Онъ говорилъ лицомъ къ стѣнѣ. Сердце его трепетало, сдавленное точно желѣзными клещами.

— Да, я убилъ двухъ турокъ; я, который мухи не обидѣлъ... Я долженъ былъ ихъ убить, потому что они хотѣли на моихъ глазахъ жестоко обидѣть дѣвочку... на глазахъ моихъ... и ея отца, которого они связали. Да, я — убійца, и мнѣ снова грозитъ Діарбекиръ или висѣлица.

Рада обернулась и странно посмотрѣла на него.

— Говори, говори... — прошептала она упавшимъ голосомъ.

— Ты знаешь теперь все... я все сказалъ, — отвѣтилъ Огняновъ.

Онъ готовился услышать свой страшный приговоръ, который уже читалъ на ея лицѣ. Рада бросилась ему на шею.

— Ты мой, ты благороднѣйшій человѣкъ! — воскликнула она. — Ты герой, мой милый...

Дальнѣйшій ходъ романа слѣдующій. Узнавъ, благодаря нѣкоторымъ случайностямъ, что подъ фамиліей Огнянова скрывается Краличъ, Стефчевъ донесъ объ этомъ турецкимъ властямъ. Но при помощи друзей Огняновъ успѣлъ бѣжать изъ города. Вслѣдъ за нимъ уѣхала въ Клисуры и Рада. Однажды Огняновъ пошелъ къ ней утромъ и засталъ тамъ Кандова. Ему показалось, что это не просто, что, вѣроятно, Кандовъ ухаживаетъ за Радой и, конечно, не безуспѣшно. Въ опьяненномъ страстью мозгу Огнянова это смутное подозрѣніе разрослось въ твердое убѣжденіе, и, не внимая ни голосу собственнаго разсудка, ни увѣреніямъ горячо любимой дѣвушки, онъ бросаетъ ее и выбѣгаетъ на улицу. А здѣсь уже вспыхнуло возстаніе клисурцевъ, и Огняновъ сталъ во главѣ одного изъ отрядовъ. Напрасно «апостолы», подготовившіе его, рассчитывали на помощь другихъ городовъ Болгаріи. Конечно, двѣ-три сотни повстанцевъ не могли выдержать натиска пришедшей орды Тосунъ-бея, состоявшей изъ нѣсколькихъ тысячъ башибузуковъ. Половина ихъ погибла въ неравномъ бою, половина бѣжала въ горы. Огняновъ вышелъ изъ боя послѣднимъ и, только благодаря случаю, спасся отъ турокъ.

Дорогой онъ узналъ, что Рада спасена женой одного повстанца и находится въ Бѣлой Церкви. Ему страстно захотѣлось увидѣть ее. Въ лѣсу около Бѣлой Церкви онъ встрѣтилъ знакомую дѣвушку и послалъ ее съ письмомъ въ городъ къ своимъ друзьямъ. Но ихъ уже не было тамъ. Въ отсутствіе Огнянова они также пытались произвести возстаніе, но безуспѣшно, въ виду нагрянувшей той же орды Тосунъ Бея. Въ городѣ одержала верхъ партія друзей Турціи, которымъ вовсе не нужна была

свобода отечества, такъ какъ и при турецкомъ господствѣ они отлично умѣли обдѣлывать свои дѣла. Эта-то партія сдала городъ на капитуляцію и обѣщала выдать туркамъ зачинщиковъ бунта.

Здѣсь Вазовымъ прекрасно очерчена психологія толпы. Эта толпа, еще вчера съ энтузіазмомъ шедшая за борцами свободы, за «апостолами», теперь проклинала ихъ. Спасителями родины она называла вчерашнихъ негодяевъ. Турки вступили въ городъ, и большинство «апостоловъ» погибло мученической смертью. Только докторъ Соколовъ успѣлъ выйти изъ города. Въ лѣсу онъ встрѣтилъ Огнянова и рассказалъ ему о печальной судьбѣ товарищей, среди которыхъ погибъ и несчастный Кандовъ. Между тѣмъ въ городѣ распространился слухъ о прибытіи Огнянова. Его видѣла одна цыганка, а цыгане въ Турціи вообще держали сторону турокъ и служили превосходными шпионами. Стефчевъ донесъ объ этомъ туркамъ. Узнавъ объ этомъ, Рада рѣшила во что бы то ни стало спасти любимого человѣка. Случайно она встрѣтила посланницу Огнянова, которая и указала ей мѣсто-пребываніе Огнянова. Она нашла его тамъ, и между ними произошло примиреніе.

Всѣ трое рѣшили пойти въ горы и этой дорогой пробраться въ Румынію, которая тогда служила безопаснымъ убѣжищемъ для болгарскихъ патріотовъ. Но было уже поздно: показались турки. Тогда они рѣшили какъ можно дороже продать свою жизнь и заперлись въ мельницѣ. Когда турки подошли на довольно близкое разстояніе, ихъ встрѣтили револьверные выстрѣлы. Разъяренные турки отвѣтили залпомъ. Одна пуля поразила Раду, и она упала мертвая. Наконецъ упалъ мертвымъ и Соколовъ. Выпустивъ послѣдній зарядъ, Огняновъ съ ятаганомъ въ рукѣ врѣзался въ густую толпу враговъ и палъ подъ ихъ ударами. У него отрѣзали голову и насадили на колъ... «Съ дикими криками ввалилась орда въ городъ, но онъ былъ болѣе пустъ, чѣмъ заброшенное кладбище. Трофей водрузили на площади. Только одинъ человѣкъ бродилъ по ней, словно призракъ. То былъ Мунчо. Узнавъ голову любимого руссіана, онъ вперилъ въ нее разъяренные безумные глаза, и страшный потокъ проклятій посыпался противъ Магомета. Его повѣсили на крючкѣ въ мясной лавкѣ. Этотъ безумный былъ единственный человѣкъ, осмѣлившійся протестовать». Такой печальной картиной заканчивается романъ Вазова.

Мы кратко передали содержаніе романа, не касаясь второстепенныхъ героевъ. Изъ нихъ наиболѣе художественно обрисованы монахъ-патріотъ, котораго окружающіе считали скупцомъ, но который изъ любви къ родинѣ, изъ желанія видѣть ее свободной и просвѣщенной посылалъ нѣсколькихъ юношей учиться въ высшія учебныя заведенія Россіи и помогалъ деньгами дѣятелямъ возстанія. Далѣе слѣдуетъ пожилой зажиточный болгаринъ, такой же истинный патріотъ, Марко, оказавшій гостепріимство Огнянову, бѣжавшему изъ Діарберкира. Галерея портретовъ заканчивается нѣсколькими типичными поселянами, пастухами, очерченными очень живо. Среди описанія дѣятельности «апостоловъ» въ романѣ раскидано много бытовыхъ чертъ, рисующихъ жизнь болгарскаго народа печальной поры — «подъ игомъ».

Съ этого романа начинается всесвѣтная извѣстность болгарскаго писателя. Слѣдующій его романъ, «Нова Земля», представляющій картину

Болгаріи послѣ освобожденія, — неудаченъ, такъ какъ описываемая эпоха не отошла еще отъ самого писателя въ такую даль, чтобы онъ могъ безпристрастно охватить всѣ событія и опредѣленно выразить общую идею. Но если этотъ романъ и слабъ, зато сборники «Видено и чуто», «Пѣстьрь свѣтъ», «Повѣсти и рассказы» — представляютъ собою самое драгоценнѣйшее сокровище не только изъ созданнаго самимъ поэтомъ, но и всей новой болгарской литературы.

III.

Отличительною чертою рассказовъ Вазова является ихъ безыскусственность, незатѣйливость сюжета, чарующая задушевность, искренность, братское отношеніе къ человѣку. Только тотъ, кто самъ испыталъ, что значить искренняя всепрощающая любовь, только тотъ могъ написать такіе дивные, глубоко трогаящіе рассказы. Вотъ, напримѣръ, рассказъ «Павель Фертигъ», изъ сборника «Пѣстьрь свѣтъ».

Павель Фертигъ — юноша 18—20-ти лѣтъ, съ очень жалкой внѣшностью. Наполовину дурачекъ, наполовину шутъ, онъ всегда веселъ и часто даже остроуменъ. Занятій у него никакихъ нѣтъ, а живетъ онъ подачками за услуги и различныя увеселенія. Часто можно было видѣть, какъ онъ пѣлъ, прыгалъ, кувыркался, перекидывался всѣмъ тѣломъ такъ, что только ноги мелькали въ воздухѣ. Особенно хорошо умѣлъ онъ изображать движеніе желѣзной дороги: крикнетъ «Фертигъ!», сожметъ руки и побѣжитъ, сначала медленно, а затѣмъ все быстрѣе и быстрѣе, и при этомъ издаетъ ртомъ «пу, пу, пу», чтобы представить шумъ паровоза. За всѣ эти штуки, а также за всегда веселую болтовню хисарскіе обитатели любили Павла и давали ему денегъ. Но подачки эти всегда безслѣдно исчезали, хотя лично на себя Павель никогда ничего не тратилъ. Онъ не покупалъ себѣ даже одежды и вѣчно ходилъ весь оборванный, босой и полуголодный. Спалъ онъ въ концѣ села въ конурѣ, сколоченной изъ кольевъ, кусковъ жести и тростника, а иногда и прямо у порога какойнибудь лавочки. Видя такую необыкновенную бережливость, люди искренне удивлялись Павлу и думали, что онъ копитъ деньги и прячетъ ихъ въ какомъ-нибудь сокровенномъ уголкѣ. Никому не удавалось еще открыть истины. Но вотъ случилось обстоятельство, которое разомъ освѣтило всю нравственную фигуру Павла и показало, какъ велика и прекрасна была душа у этого несчастнаго бѣдняка.

Однажды къ Вазову приходитъ Павель и проситъ написать ему письмо въ «Швейцарское царство».

— Что жъ ты пишешь брату? — спросилъ Вазовъ, догадавшись, что въ Швейцаріи живетъ братъ его. — Поклоны посылай?

Но вмѣсто отвѣта Павель, какъ всегда, сталъ дурачиться, закричалъ «Фертигъ!», запыхтѣлъ, какъ паровозъ, и убѣжалъ. Подъ вечеръ Вазовъ увидѣлъ дальняго родственника Павла, дядю Матю, болтливаго, какъ всѣ торговцы, завелъ съ нимъ рѣчь о Павлѣ, и вотъ что услышалъ:

— Онъ будетъ браниться. Онъ просилъ меня никому не говорить, чтобы не срамить его брата. Но вашей милости, такъ и быть, скажу. Это вѣрно. Вотъ уже цѣлые два года, какъ онъ содержитъ своего брата,

прося тутъ милостыню... У брата его сначала были деньги, а какъ вышли, онъ хотѣлъ бросить свое ученье... Но, узнавъ объ этомъ, Павелъ сказалъ:

«— Этому не бывать! Пусть доучивается!

«Денегъ своихъ онъ не тратитъ, все туда отсылаетъ,—продолжалъ дядя Матю.—Голодаетъ, мучится, треплется съ утра до вечера, а все для того, чтобы сдѣлать изъ брата своего человѣка... Братская любовь, господинъ! Онъ хотъ и и дурачекъ, а поумнѣе будетъ многихъ умныхъ....

Павелъ Фертигъ—типъ человѣка, счастливѣйшаго изъ всѣхъ смертныхъ, такъ какъ онъ позналъ то, выше чего нѣтъ, не было и не будетъ на свѣтѣ,—онъ позналъ любовь, ту истинную любовь, для которой онъ готовъ пожертвовать всѣмъ своимъ счастьемъ, всею жизнью.

Другой разсказъ изъ того же сборника называется «Наумъ». Проживъ нѣсколько времени въ Геркулесбадѣ, Вазовъ не могъ подавить въ себѣ тоски по милой его душѣ Болгаріи и проѣзжалъ черезъ небольшой городокъ Оршову. Здѣсь ему пришлось около сутокъ ждать слѣдующаго поѣзда, и онъ зашелъ въ корчму, чтобы немного подкрѣпиться послѣ утомительной дороги. Случайно хозяинъ корчмы оказался болгаринѣмъ. Когда Наумъ—имя хозяина этой корчмы—узналъ, что Вазовъ его соотечественникъ, его радости не было предѣловъ. Чтобы только угодить дорогому гостю, онъ велѣлъ подать всего самаго лучшаго, что только было въ домѣ. Узнавъ, что у Вазова случайно не хвѣтаетъ денегъ на билетъ до Софіи, онъ сейчасъ же съ готовностью предлагаетъ свои деньги совершенно незнакому человѣку, какимъ былъ для него Вазовъ, но человѣкъ этотъ—болгаринъ, а для него нѣтъ выше, милѣе этого звука. Какъ видно, разсказъ совершенно безхитростенъ, но какая могучая, страстная любовь проникаетъ его! По формѣ можно написать и красивѣе, и увлекательнѣе разсказовъ Вазова, но написать ихъ съ такою искренностью и задушевностью можетъ только тотъ, кто обладаетъ рѣдкимъ и драгоцѣннымъ качествомъ—сердцемъ добрымъ, много думавшимъ и страдавшимъ, отзывчивымъ на всякое горе и страданіе.

Конечно, не всѣ разсказы Вазова имѣютъ общечеловѣческое значеніе. Встрѣчаются среди нихъ и нѣсколько наивные, какъ, напримѣръ, «Негостепріимное село», гдѣ русскій путешественникъ Матвѣевъ заѣхалъ въ какое-то шопское село; шопы приняли его за нѣмца и до тѣхъ поръ не давали ему ѣсть, пока онъ съ отчаянія не разразился самими площадными русскими ругательствами. По этой русской брани они и узнали, что онъ—русскій, накормили, напоили его и всячески изъясняли ему свою любовь. Или, напримѣръ, довольно романтическій разсказъ «Во мракѣ», въ которомъ герой разсказа, молодой инженеръ Керовъ, влюбленный и самъ любимый, осматривая только-что прорытый туннель, вдругъ упалъ въ глубокій колодезь. Оставшись какимъ-то чудомъ въ живыхъ, онъ съ необыкновеннымъ трудомъ выбирается изъ него. Тутъ появляется его невѣста Адель, начавшая уже беспокоиться объ его долгомъ отсутствіи: въ колодезѣ онъ пробылъ нѣсколько дней. И все кончается самымъ лучшимъ образомъ, къ вящему удовольствію какъ автора, такъ и читателей. Счастливый донельзя Керовъ же нитя на Адели. Вообще, сдѣлавшись старше, Вазовъ вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлался и оптимистомъ: напримѣръ, его разсказъ «На Пиринѣ» тоже оканчи-

вается вполне благополучно. Въ одну изъ страшныхъ бурныхъ ночей, наканунѣ Рождества, молодой крестьянинъ Климъ изъ одного горнаго села заблудился въ горахъ. Долго блуждалъ онъ и думалъ уже, что приходится умирать, какъ вдругъ увидѣлъ себя въ родномъ селѣ, у своей избы. Само Провидѣніе спасло его и привело сюда голоднаго, почти совсѣмъ замерзшаго.

Такъ уже на склонѣ лѣтъ проснулись въ Вазовѣ тѣ зачатки вѣры въ Бога, которые еще въ раннемъ дѣтствѣ мать его заложила въ его душу. Трудная, жестокая жизнь на время заглушила ихъ, и первыя впечатлѣнія дѣтства замерли, чтобы воскреснуть вновь.

IV.

Среди разсказовъ Вазова есть нѣсколько такихъ, равныхъ которымъ не найдется, быть можетъ, во всей литературѣ. Когда вы ихъ читаете, вы совершенно проникаетесь ихъ прекраснымъ мягкимъ настроеніемъ, на сердцѣ дѣлается легко и отрадно, точно вы встрѣтили что-то давнымъ-давно знакомое, родное... Таковъ, напримѣръ, прелестный разсказъ «Эпитропъ» изъ сборника «Повѣсти и разсказы», оставляющій въ читателѣ тихую грусть. Герой разсказа—дѣлѣ хаджи Енчо—атлетическаго сложенія, здоровый, полный, высокій, кроткаго, безобиднаго нрава. Черное широкое лицо выглядѣло благодушно, глаза смотрѣли съ затаенной грустью. Онъ былъ малограмотный и во всякихъ дѣлахъ человѣкъ въ высшей степени усердный. Училищнымъ эпитропомъ, почетнымъ попечителемъ онъ считался уже много лѣтъ, такъ что всѣ знали, что стоитъ только хаджи Енчо выбрать въ эпитропы, и все пойдетъ какъ нельзя лучше. И дѣйствительно, онъ предвидѣлъ всѣ нужды, исправлялъ всѣ недостатки, удовлетворялъ всѣмъ потребностямъ училища. И хаджи Енчо свыкъся со всѣми этими заботами: постоянное посѣщеніе училища сдѣлалось для него потребностью. Часто хаджи Енчо посѣщалъ уроки, и ученики очень любили эти посѣщенія. Онъ страстно привязался къ своему училищу и такъ любилъ его, что когда знакомые встрѣчали Енчо на улицѣ и спрашивали, куда онъ идетъ, то онъ всегда отвѣчалъ:

— А вотъ иду посмотрѣть моихъ дѣтишекъ, все ли у нихъ есть, — причемъ подъ «дѣтишками» подразумѣвалъ учениковъ.

Эта любовь къ училищу только и поддерживала его жизнь. Когда его однажды почему-то не выбрали въ эпитропы, онъ не перенесъ разлуки со своимъ училищемъ, недолго прожилъ и умеръ, лишенный своего любимаго дѣла.

Въ Вазовѣ—поэтѣ мы замѣчаемъ такой же процессъ превращенія изъ пессимиста въ оптимиста. Чѣмъ старше становится онъ, тѣмъ глубже и шире становится его лирика, и хотя дѣятельность Вазова еще далеко не окончена, но плоды ея уже ясны для всѣхъ. Про Вазова справедливо можно сказать, что для Болгаріи онъ служитъ тѣмъ же, чѣмъ Пушкинъ для Россіи. Прежде всего онъ «создалъ» литературный болгарскій языкъ. Были и до Вазова хорошіе поэты: Славейковъ, Каравеловъ, Ботевъ, но ни одинъ изъ нихъ не обладалъ такой мощной силой рѣчи, какъ Вазовъ. Далѣе, изъ всѣхъ болгарскихъ поэтовъ одинъ только Вазовъ такъ всесторонне охватилъ всю болгарскую жизнь и ярко представилъ ее во

всѣхъ родахъ литературы. Но замѣчательнѣе не только одинъ языкъ произведеній Вазова: идеи этихъ произведеній еще болѣе важны. Въ нихъ Вазовъ часто высказываетъ мысль, что истинная любовь есть та, которая прощаетъ всѣ обиды. Такую мысль мы видимъ, напримѣръ, въ поэмѣ «Громада», содержаніе которой слѣдующее. Красавецъ Камень страстно полюбилъ молодую Цену, дочь богатого Цеко.

Онъ любилъ не за богатства
Красную дѣвицу,
Не за шелковыя ткани,
Чудныя мониста;
Не за то, что Ценинъ батька
Былъ въ селѣ начальникъ,
Что въ приданое сулилъ онъ

Золотыя горы,—
Нѣтъ, любилъ ее за то онъ
Что, подобно небу,
Очи синія имѣла,
Что имѣла сердце
И умомъ была смышлена.

Но Камень былъ бѣденъ, и Цеко не хотѣлъ выдать за него свою дочь. Поэтому Камень и Цена рѣшили бѣжать. Но Цеко догналъ бѣглецовъ. Камень убѣждалъ, а Цена была отдана отцомъ въ рабыни турецкому пашѣ. Скоро въ селѣ, гдѣ жилъ Цеко, настала сильная засуха, и всѣ обвиняли въ этомъ Цеко, такъ какъ онъ постоянно дружилъ съ турками и притѣснялъ своихъ односельчанъ. Тогда всѣ крестьяне, по совету попа Михо и во избѣжаніе болѣшихъ несчастій, рѣшили проклясть Цеко. При такихъ проклятіяхъ у нихъ былъ обычай насыпать груды камней, которая называлась «громадой». И съ этихъ поръ несчастья стали преслѣдовать Цеко.

Устрашился нечестивецъ,
Не имѣя силы
Снять ужасное проклятье.
Изнемогъ бѣдняга,
Исхудалъ, какъ отъ недуга,
Даже въ собственномъ семействѣ
Сталъ онъ одинокимъ.
Скоро Божья кара
Цеко грѣшнаго постигла
За его злодѣйства:
Смерть въ семьѣ его открылась,
Всѣхъ плотая жадно,
И въ недолгій срокъ три сына

Цековы скончались,
Истребленъ былъ лѣсъ пожаромъ,
Солнце хлѣбъ спалило,
И въ амбарахъ не осталось
Никакихъ запасовъ;
Вдругъ товары потонули;
Скотъ пропалъ, и въ полночь
Загорѣлся домъ роскошный;
Превратились въ пепелъ
И имѣнье, и товары,
И въ мгновеніе ока
Все завидное богатство
Разлетѣлось прахомъ.

Богатый Цеко сталъ нищимъ. Тогда Цеко рѣшился отомстить и призвалъ въ село турокъ. Ужасъ объялъ поселянъ, всѣ съ трепетомъ ожидали грознаго нашествія, но тутъ пришла радостная вѣсть, что на помощь идутъ русскіе. И дѣйствительно: скоро прискакали казаки и перебили турокъ. Вмѣстѣ съ казаками былъ и Камень съ освобожденною Ценою. Старый Цеко сильно испугался и убѣждалъ въ горы, такъ какъ ожидалъ справедливаго возмездія за свои злодѣянія. Онъ былъ пойманъ. Крестьяне хотѣли замучить его самою лютою смертію, но за него вступился Камень, которому Цеко сдѣлалъ такъ много зла. Радъ и веселъ Камень.

— Собрались мы, братья, снова. Вотъ моя невѣста,—показываетъ онъ на стоящую рядомъ съ нимъ Цену.

Нынче съ храброю дружиной
Я вернулъ бѣдняжку.
Цеко съ миромъ отпустите,

Самъ Господь разсудитъ насъ...
Пусть найдетъ онъ въ нашемъ
Счастьѣ вѣчное страданье...

Такимъ подвигомъ и заканчивается поэма. Отсюда мы видимъ, какіе высокіе нравственные подвиги проповѣдуетъ Вазовъ, какъ онъ смотритъ на причины счастья и страданья.

Мы уже упоминали, что въ стихотвореніи «Въ окопахъ» Вазовъ скорбитъ о братоубійственной войнѣ сербовъ съ болгарами. Это чувство, когда поэтъ побѣдилъ въ себѣ патріота и возвышается до великаго понятія «человѣкъ», прекрасно отражается еще въ стихотвореніи «Къ орлу». «Орелъ!—воскликаетъ Вазовъ.—Оба мы летимъ на поле битвы, обоихъ насъ влечетъ ужасный духъ людской ловитвы. Если бы я былъ могучимъ орломъ, то скрылся бы за облаками: такъ ужасно здѣсь на землѣ, здѣсь убійства, слезы; здѣсь земля полита слезами. Всюду передо мной трупы погибшихъ во цвѣтѣ лѣтъ безъ славы. О, братья сербы, я рыдаю! Здѣсь мы схоронили надежду на лучшіе дни. Мы положили кровавый слѣдъ къ родному краю. Я не хочу видѣть ликованья, каждый лавръ намъ достался слишкомъ дорого. И самъ я не стану ликовать: восторгъ зажжетъ страданье и какъ ножомъ внесетъ мнѣ въ сердце рану... Вѣдь кровь, которую теперь проливаютъ наши, не чужая. Зачѣмъ же ждете вы шумной пѣсни? Въ ней, не изсякая, живетъ горе. Васъ волнуютъ блестящіе лучи славы... А могилы, рыданья матерей? Ихъ сочтетъ одинъ всевидящій поэтъ».

Такіе общечеловѣческіе взгляды встрѣчаются во всей поэзіи Вазова, и они-то доставили ему почти всесвѣтное имя. Своими пѣснями Вазовъ старался пробудить во всѣхъ любовь къ мирной плодотворной работѣ и этимъ, несомнѣнно, наравнѣ съ Пушкинымъ, Хомяковымъ и др., внесъ и свою долю въ великое дѣло осуществленія на землѣ братства всѣхъ народовъ, подвиговъ, который, по мнѣнію многихъ мыслителей, надлежитъ совершить славянству